

Федоров Р. Ю. Трансформации народной архитектуры белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока (конец XIX — первая треть XX веков) / Р. Ю. Федоров // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 421—433. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-421-433.

Fedorov, R. Yu. (2019). Transformation of the Folk Architecture of the Belarusian Peasant Migrants of Siberia and the Far East (End of XIX — First Third of XX Centuries). *Nauchnyi dialog*, 12: 421-433. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-421-433. (In Russ.).

УДК 94(57)+39:728(=161.3)“18/19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-421-433

ТРАНСФОРМАЦИИ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (КОНЕЦ XIX — ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКОВ)¹

© **Федоров Роман Юрьевич** (2019), orcid.org/0000-0002-3658-746X, SPIN 4902-4090, кандидат философских наук, сектор этнологии, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (Тюмень, Россия), r_fedorov@mail.ru.

Рассмотрены исходные особенности и трансформации народной архитектуры белорусских крестьян-переселенцев второй половины XIX — начала XX веков, проживавших на территории Сибири и Дальнего Востока. Представлены результаты сравнительно-исторического и типологического анализа путей развития строительной культуры потомков переселенцев. Актуальность и новизна работы обусловлены тем, что на основе обобщения полевых исследований, сделанных на территории ряда регионов азиатской части России, предпринята попытка выявить общие и особенные закономерности связей между изменениями принципов строительной культуры и этнокультурными процессами в среде переселенцев. Результаты исследования подтверждают предположение о том, что на территории Сибири и Дальнего Востока разнообразие путей развития и трансформаций народного зодчества белорусов значительно возросло благодаря необходимости адаптации к различным природно-климатическим условиям, а также заимствованиям у нового этнического окружения. Установлено, что трансформации народной архитектуры белорусских крестьян-переселенцев в целом отражают динамику происходивших в их среде этнокультурных процессов. Показано, что утрата многих особенностей строительной культуры, нараставшая со второй трети XX века, в целом совпала с растворением переселенцев в новой этнокультурной среде, которое было обусловлено процессами ассимиляции и межэтнической интеграции.

Ключевые слова: белорусы; народная архитектура; строительная культура; крестьянские поселения; этнокультурные процессы; Сибирь; Дальний Восток.

1. Введение

В результате массовых крестьянских переселений второй половины XIX — начала XX веков на территории Сибири и Дальнего Востока возникли места компактного и рассеянного проживания выходцев из Белоруссии. Привнеся на новое место устоявшийся багаж строительных навыков, сложившихся на родине, переселенцы столкнулись с необходимостью их адаптации к разнообразию природно-климатических условий Азиатской России и особенностям культуры жизнеобеспечения

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00028 и по госзаданию ТюмНЦ СО РАН, проект № АААА-А17-117050400150-2.

нового этнического окружения. Благодаря этой ситуации пути развития народной архитектуры белорусских крестьян-переселенцев можно рассматривать в качестве важных маркеров этнокультурных процессов, происходивших в их среде.

На протяжении долгого времени в поле зрения этнографов находилась преимущественно народная архитектура русского старожильского населения. Лишь в последние десятилетия появился узкий круг специализированных работ, посвященных особенностям строительной культуры белорусских крестьян-переселенцев, проживавших на территории отдельных регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Одной из первых эта тема была затронута в серии публикаций А. Ю. Майничевой [Майничева, 1997, 1999, 2002 и др.]. А. В. Черных были исследованы поселения, усадьбы и жилище белорусских переселенцев Пермского края [Белорусы ..., 2013, с. 68—76]. Л. А. Аболиной были рассмотрены особенности народной архитектуры выходцев из Белоруссии, проживающих на территории Иркутской и Омской областей [Аболина, 2014, 2016]. В 2017 году коллективом Минусинского музея им. Н. М. Мартянова была проведена этнографическая экспедиция, в ходе которой были исследованы особенности народной архитектуры потомков белорусских переселенцев, проживающих на территории Идринского района Красноярского края [Светачева, 2018]. Начиная с 2014 года Братским городским объединенным музеем истории освоения Ангары под руководством М. А. Глушенко был проведен ряд экспедиций с использованием дендрохронологического метода, в ходе которых было уделено внимание народной архитектуре белорусских переселенцев, проживавших на территории Среднего Приангарья [Глушенко, 2017].

Основой источниковой базы настоящей статьи послужили материалы этнографических экспедиций, проведенных автором в период с 2009 по 2019 годы на территории Таборинского и Тавдинского районов Свердловской области, Нижнетавдинского, Казанского и Викуловского районов Тюменской области, Манского и Большемурутинского районов Красноярского края, Баяндаевского, Братского, Куйтунского, Заларинского и Тайшетского районов Иркутской области, Свободненского района Амурской области, Муниципального района им. Лазо Хабаровского края, Михайловского, Ольгинского и Чугуевского районов Приморского края [ПМА]. Были осуществлены визуальный осмотр, обмеры и фотофиксация жилых и хозяйственных построек белорусских крестьян-переселенцев, а также зафиксированы связанные с ними устные рассказы у информаторов 1910-х — 1960-х годов рождения. Изучение архивных источников конца XIX — начала XX веков дало возможность реконструировать распространение в некоторых деревнях первопоселенцев определенных типов жилых и хозяйственных построек. Полученные в ходе исследования материалы с использованием сравнительно-исторического и типологического методов были сопоставлены с описаниями традиционных построек белорусов, сделанными во второй половине XIX — начале XX веков такими этнографами, как А. Н. Харузин, Н. Я. Никифоровский, П. В. Шейн, Н. М. Косич, Е. Р. Романов, И. А. Сербов и др. В ходе исследования был учтен опыт историко-культурного районирования, классификации и типизации народной архитектуры белорусов, который был осуществлен такими исследователями, как Н. И. Лебедева, Е. Э. Бломквист, Л. А. Молчанова, В. С. Титов,

А. И. Локотко и др. Для выявления общих и особенных черт строительной культуры переселенцев и их нового этнического окружения специальное внимание было уделено соотнесению белорусских материалов с обобщающими исследованиями, рассматривающими основные тенденции развития народной архитектуры восточнославянского населения Сибири и Дальнего Востока.

2. Исходные особенности народной архитектуры белорусских крестьян-переселенцев

Строительная культура белорусов, обладая общеславянскими типологическими чертами, получила ряд индивидуальных особенностей развития, связанных с преобладанием определенных строительных приемов, типов планировки усадьбы и жилища, строительной терминологии и т. д. Их идентификация во многих случаях осложнена обилием региональных и локальных вариаций народной архитектуры, которые характерны для Беларуси.

В случае основания новой деревни белорусы, прибыв на отведенные им переселенческие участки, как правило, строили временные жилища, в роли которых выступали землянки или шалаши. Перезимовав в них, переселенцы начинали возводить жилые дома и приусадебные постройки. Для их строительства чаще всего устраивались помочи. Анализ полевых материалов и архивных источников дает основание сделать предположение о доминировании в разных поселениях двух тенденций в выборе переселенцами типов их первых жилых построек. В ряде случаев поселившиеся на территории Сибири и Дальнего Востока белорусы стремились воспроизвести на новом месте конструктивные решения жилища, привнесенные из мест выхода. В этнографических описаниях, сделанных на территории Белоруссии во второй половине XIX — начале XX веков, в числе наиболее распространенных типов крестьянских домов описываются однокамерные хаты с сенями и без сеней, а также различные виды домов на связи (изба — сени — клеть (истопка, камора), изба — сени — изба и др.) [Харузин, 1907, с. 272—285; Локотко, 1991, с. 124—125]. Помимо воспроизведения традиционных для мест выхода типов построек, в ряде переселенческих деревень отмечался качественный скачок в развитии жилища, связанный с увеличением его площади и переходом на новые, более прогрессивные принципы его планировки и конструктивных решений. Полевые материалы автора и архивные источники конца XIX — начала XX веков, включающие переписные листы Переписи населения Российской Империи 1897 года, а также страховые ведомости, в которых упоминаются типы построек, указывают на то, что в ряде деревень, основанных белорусскими переселенцами, помимо однокамерных хат и домов на связи, в числе первых построек заметную долю составляли пятистенки [ПМА; ГБУТО ГА, ф. 417, оп. 2, д. 971; ГАКК, ф. 595, оп. 31, д. 1140]. Упоминания о них отсутствуют в большинстве описаний традиционного жилища белорусов, сделанных во второй половине XIX — начале XX веков. Несмотря на предположение о том, что этот тип домов начал появляться на территории Белоруссии во второй половине XIX века [Этнография ..., 1987, с. 237], он, по всей видимости, имел незначительное распространение на момент переселений

и встречался далеко не во всех районах. При этом для Сибири начала XX века стал характерным процесс замены домов на связи пятистенками, который во многом был обусловлен процессом раздела больших семей [Майничева, 2002, с. 39]. Некоторые наиболее зажиточные представители первого поколения переселенцев уже в начале XX века строили шестистенки (крестовые дома) [ГАКК, ф. 595, оп. 31, д. 1140]. При этом в разных деревнях переселенцев преобладание определенных типов жилых построек могло сильно варьировать. Дома выходцев из Белоруссии часто были расположены широкой стороной вдоль улицы. Нередко перед ними устраивались небольшие палисадники.

Выбор пород дерева для строительства сильно зависел от местных природно-климатических условий. Чаще всего белорусы предпочитали строить жилище из хвойных деревьев — сосны, ели, пихты, лиственницы и кедра. На Дальнем Востоке встречались случаи использования в качестве строительного материала дуба. При недостатке качественного леса дома строили из лиственных пород деревьев. Во всех обследованных регионах их также использовали для сооружения хозяйственных построек.

Чаще всего переселенцы строили жилые дома из цельных круглых бревен «кругляка». Венцы соединялись в простой угол с остатком «в чашу». Этот строительный прием широко встречался среди выходцев из восточных регионов Белоруссии и был наиболее распространенным в переселенческих деревнях, расположенных в тех районах Сибири, которые находились в зоне тайги или смешанных лесов. У переселенцев из западных регионов Белоруссии, а также некоторых районов белорусско-украинского пограничья можно встретить дома, построенные с рубкой углов «в лапу», при которой венцы имели форму квадратных или прямоугольных брусьев. Рубка «в лапу» без остатка наиболее часто встречалась нам в деревнях белорусских переселенцев, проживавших на территории Дальнего Востока. Нередко она оказывалась более предпочтительной при использовании неровного строительного леса лиственных пород дерева [Федоров и др., 2015, с. 19]. По предположению В. В. Кобко, такой прием рубки оказался наиболее практичным для районов с морским влажным климатом, поскольку он предохранял углы от гниения, давая возможность зашивать их досками [Кобко, 2004, с. 151]. У некоторых белорусских переселенцев из Черниговской губернии, как и у проживавших в ней украинцев, углубления при соединении бревен нередко промазывались глиной, при этом дом мог быть побелен снаружи [Косич, 1906, с. 75]. Примеры подобных построек нами неоднократно фиксировались на территории Амурской области, Хабаровского и Приморского края [ПМА]. В Сибири рубка угла «в лапу» чаще применялась при строительстве хозяйственных построек из лиственных пород деревьев. В ходе обследования построек белорусских переселенцев также неоднократно фиксировались такие имевшие распространение на их родине разновидности описанных выше видов рубки углов, как «в охряпку», «в каню», «в простой замок» и др. [ПМА; Аболина, 2014, 2016].

Дома выходцев из Белоруссии могли иметь двускатные, полувальмовые или четырехскатные крыши. Переселенцы первого поколения чаще всего покрывали крыши домов соломой, дёрном, «берёстой», дранкой или тесом. На Дальнем Вос-

токе встречались случаи, когда крыши покрывали цинковым железом, привезенным из Китая [ПМА]. Во второй трети XX века имевшая широкое распространение у белорусов солома в большинстве деревень перестала использоваться для покрытия крыш. Начиная с 1960-х годов, помимо дранки, крыши домов все чаще стали покрывать толем или шифером.

Первоначально белорусские переселенцы делали в жилых домах русские печи из глины, камня или кирпича-сырца. Как правило, печь располагалась справа или слева от входа в дом. Ее устье чаще всего было повернуто к двери в соответствии с западноевропейским типом планировки жилища. В воспоминаниях потомков переселенцев отмечались примеры севернорусской планировки, в соответствии с которой устье печи было обращено к противоположной от входа стене. Также имели место случаи ориентации устья печи в сторону боковой стены от входа [ПМА]. Подобные типы планировки фиксировались другими исследователями в деревнях переселенцев, расположенных в разных регионах Урала и Сибири [Майничева, 2002, с. 44; Белорусы ..., 2013, с. 75; Аболина, 2016, с. 9; Светачева, 2018, с. 479]. Со второй трети XX века русские печи стали вытесняться печами со щитком и другими более эффективными и компактными отопительными конструкциями. Красный угол, как правило, находился в противоположной по диагонали стороне от печи с восточной или юго-восточной стороны. Во многих деревнях белорусских переселенцев иконы, расположенные в красном углу, были покрыты домоткаными набожниками. В большинстве случаев первопоселенцы, основавшие деревни в Сибири и на Дальнем Востоке, делали в своих домах деревянные полы.

Многие семьи белорусских переселенцев вплоть до середины XX века в морозы держали в своих домах новорожденных овец, телят и поросят. В пространстве между полом и подом печи часто держали кур. При этом благодаря более суровым по сравнению с местами выхода природно-климатическим условиям приусадебных животных в доме могли держать до весны [ПМА].

Как правило, вход в дом через пристроенные к нему сени находился с его боковой стороны, во дворе усадьбы. Однако в некоторых районах Белоруссии входная дверь могла делаться со стороны улицы. Случаи сохранения в наши дни этого решения у белорусских переселенцев чаще всего фиксировались нами на территории Иркутской области. К примеру, в д. Черчет Тайшетского района у значительной части домов главный вход с крыльцом расположен со стороны уличного фасада. Отдельные дома с подобной планировкой входа также фиксировались на территории Братского района [ПМА; Федоров и др., 2018, с. 151].

Традиционно в большинстве домов белорусских переселенцев окна делались на двух смежных стенах и были обращены одной стороной на улицу, другой — во двор. Наиболее благоприятной считалась ориентация окон на юг и восток. В Сибири переселенцы стали чаще устанавливать на окнах ставни. На Дальнем Востоке у выходцев с белорусско-украинского пограничья значительная часть домов, построенных в первой трети XX века не имела ставень. Как и на родине переселенцев, в холодное время года окна могли закрывать специальными матами, сделанными из сена [ПМА].

По сравнению с домами зажиточных представителей русского старожильского населения Сибири большинство построек белорусских переселенцев отличалось скромностью декоративных элементов. В д. Тургеневка Баяндаевского района и Андрушино Куйтунского района Иркутской области на фронтонах некоторых старейших домов были выпилены отдушины в форме креста, которые встречались на территории Гродненской губернии [ПМА].

Для выходцев из восточных регионов Белоруссии наиболее характерной была веночная планировка усадьбы. В соответствии с ней жилище и хозяйственные постройки образовывали замкнутый двор, будучи размещены по его периметру. По мнению исследователей, подобная планировка имела древнее происхождение и придавала сельскому двору черты маленькой крепости, защищая его от диких животных и возможных нападений неприятелей [Титов, 1983, с. 41]. Погонный тип дворовой застройки сложился позднее в перенаселенных районах с ограниченной площадью земельных наделов [Титов, 1983, с. 43]. Предпосылки к его развитию сформировались после земельных реформ XVI века, в результате которых земля для крестьян нарезалась длинными узкими полосами, расположенными перпендикулярно улице [Молчанова, 1968, с. 76]. Как отмечал П. В. Шейн, один из факторов, способствовавших развитию погонной застройки, состоял в том, что в результате раздела больших семей «каждому из отделившихся сыновей непременно хочется построить на “бацьковщине” (на земле своего отца)» [Шейн, 1902, с. 363]. Этот тип планировки имел наибольшее распространение у выходцев из центральной части Белоруссии, Понеманья и западного Полесья. В соответствии с ним дворовые постройки чаще всего образовывали однорядную связь. Помимо этих двух наиболее распространенных типов планировки дворов, в центральной Белоруссии также встречался двухрядный погонный тип планировки, а в Поднепровье и Полесье имели распространение Г-образные дворы [Титов, 1983, с. 43].

Благодаря тому, что в Сибири и на Дальнем Востоке белорусские переселенцы получали бо льшие, чем на их родине, участки земли, а также из-за преобладания выходцев из восточных регионов Белоруссии наибольшее развитие в этой среде на новом месте получила веночная планировка. В результате неоднократных перестроек усадеб со временем в их планировке все больше проявлялись отступления от исходных прототипов, которые были характерны для мест выхода переселенцев. К примеру, в ряде деревень под влиянием русских старожилов веночная планировка трансформировалась в другие распространенные на территории Сибири разновидности замкнутой планировки дворов. В других случаях фрагменты некогда целых замкнутых дворов приобрели вид усадеб с несвязанными постройками. Эта тенденция начала проявляться с 1930-х годов, когда в связи с политикой коллективизации в усадьбах стали исчезать за ненадобностью гумна, хлева и амбары для зерна [Аболина, 2016, с. 6]. Выявление усадеб погонного типа во многих случаях затруднено долгими сроками их формирования, занимавшими до нескольких десятилетий, за счет чего они могли быть ранее классифицированы как различные виды замкнутых усадеб [Майничева, 2002, с. 29]. Также оно осложнено низкой степенью сохранности примеров подобных планировочных решений ввиду отсут-

ствия их дальнейшего развития в условиях Сибири и Дальнего Востока. Среди выходцев с белорусско-украинского пограничья встречались усадьбы со свободной планировкой. При этом белорусским переселенцам были незнакомы навыки строительства крытых дворов, которые имели распространение в ряде регионов Сибири и были ранее привнесены в них с территории Русского Севера.

Состав хозяйственных построек в усадьбах потомков белорусских переселенцев сильно варьировал. К их основным видам, привнесенным из мест выхода, можно отнести клеть, амбар, сарай для хранения сена и мякины (пуна), навес (поветь), овин (гумно), хлева для лошадей, коров, свиней, овец и кур. На территории Сибири в большинстве деревень довольно быстро перестали строить имевшие распространение на территории Полесья помещения для хранения продуктов — истопки. Их функции здесь заменили погреба (подполья). Погреба для хранения овощей чаще всего находились под жилым помещением, однако в ряде деревень фиксировалось их размещение под амбаром или во дворе. Для хранения мяса, рыбы и других скоропортящихся продуктов зажиточные семьи переселенцев устраивали ледники. Чаще всего они были расположены под амбаром или во дворе под навесом [ПМА].

Первоначально бани строились не во всех усадьбах белорусских переселенцев. Многие из них продолжали мыться в русской печи. В д. Ермаки Викуловского района Тюменской области и ряде других обследованных нами поселений белорусских переселенцев до второй трети — середины XX века бани располагались отдельно от усадеб, на берегу реки, что было характерным для мест выхода переселенцев в XIX веке [ПМА; Косич, 1906, с. 89]. Во многих деревнях вплоть до 1950-х годов преобладали бани по-черному с печами-каменками. Начиная со второй половины XX века бани были почти во всех усадьбах потомков белорусских переселенцев. При этом их конструкция уже не имела существенных отличий от бань, которые строили другие представители восточнославянского населения Сибири и Дальнего Востока.

3. Факторы трансформации исходных традиций народной архитектуры белорусских переселенцев

Анализ материалов, собранных в ходе полевых исследований, позволил выявить ряд типичных ситуаций, которые оказали влияние на трансформации народной архитектуры белорусских крестьян-переселенцев. В них можно проследить две основные тенденции. Первая из них была связана с адаптационными процессами, которые преимущественно носили эволюционный характер. Вторая тенденция состояла в том, что определенные внешние социально-политические и экономические факторы вынуждали переселенцев радикально менять принципы строительной культуры или бытовые запросы, связанные с функциональными особенностями жилища или приусадебных построек.

Первоначально на трансформации народной архитектуры белорусских крестьян-переселенцев значительное влияние оказывали принципы их расселения на новом месте. Во второй половине XIX века обосновавшихся в Сибири выходцев

из Белоруссии нередко подселяли в уже сложившиеся деревни русских старожилов. Как отмечала А. Ю. Майничева, переселенцы, приселявшиеся к старожилам, имели больше возможностей для строительства, поскольку пользовались теми же лесными угодьями и имели перед собой примеры хорошо адаптированных для этих мест строительных традиций [Майничева, 2002, с. 31]. В моноэтнических деревнях, изначально основанных белорусскими переселенцами, особенности строительной культуры, привнесенные из мест выхода, как правило, оказывались наиболее стойкими. Для поселений, которые основывались выходцами из разных регионов, была характерна тенденция к синтезу их строительных традиций. Наиболее типичной она была для деревень, возникших во времена аграрной реформы П. А. Столыпина. Одним из их наглядных примеров может служить взаимопроникновение особенностей строительной культуры у выходцев из Белоруссии и левобережной Украины, которое фиксировалось нами в ходе этнографической экспедиции, проведенной на территории Ольгинского и Чугуевского районов Приморского края [ПМА; Федоров и др., 2015].

Подвергая анализу эволюционные принципы трансформации народной архитектуры, следует отметить стремление значительной части белорусских переселенцев к освоению прогрессивных приемов, которые в некоторых случаях опережали развитие строительной культуры в местах их выхода. К их числу можно отнести увеличение площади жилища, переход к строительству пятистенков и крестовых домов, отказ от русских печей, установку на домах новых конструкций крыш, покрытых тесом или дранкой, переход к более рациональным для новых условий принципам планировки двора и составу расположенных на нем хозяйственных построек. Эту ситуацию наглядно иллюстрирует рассказ потомка белорусских переселенцев, 1928 г. р., проживавшего в д. Петровичи Муниципального района им. Лазо Хабаровского края: *«Отец воевал на фронте и во время войны случайно попал в деревню, откуда переехали наши предки. Дома он рассказывал, что как там раньше жили, так и продолжают жить. У них бани нету, туалета нету. А баня? У них русская печь. У нас тоже была русская печь, мы ее уже после войны уничтожили. Русскую печь топят, настилают соломой туда, и, чтобы распариться, он залезит туда, а вода отдельно — корыто с липы выдолбленное. С печи вылазят, и в это корыто. Полы земляные у них были еще во время войны»* [ПМА].

Начиная с 1930-х годов в результате политики коллективизации, ликвидации хуторов и небольших деревень с последующим переселением их жителей в крупные колхозные и совхозные поселки на трансформации строительной культуры все большее влияние стали оказывать внешние социально-политические и экономические факторы. В частности, в связи с ликвидацией слоя зажиточного крестьянства и сложного экономического положения сельского населения тех лет остановился процесс улучшения качества жилища, утратили свою актуальность некоторые хозяйственные постройки, предназначенные для содержания приусадебных животных и запасов зерна. Несмотря на это, ввиду малой доступности промышленных строительных технологий и материалов традиционные основы народной архитектуры продолжали играть свою организующую роль. С 1960-х годов в строительной культуре большин-

ства деревень Сибири и Дальнего Востока можно наблюдать нарастание двух противоречивых тенденций. Первая из них состоит в унификации строительных приемов на фоне окончательного исчезновения специфических этнических черт народной архитектуры. Вторая тенденция связана со своеобразной индивидуализацией жилого пространства. Ее наглядным примером служит распространение нетрадиционных решений в конструкции жилища и планировке усадеб, которые были продиктованы разнообразием личных бытовых запросов их хозяев. На этом фоне отдельные сохранившиеся до наших дней постройки первых поколений белорусских переселенцев остаются своеобразными реликтами их строительной культуры.

4. Заключение

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что народную архитектуру белорусских крестьян-переселенцев нельзя рассматривать как замкнутый и застывший во времени феномен народной культуры. Она претерпевала постоянные изменения, обогащаясь адаптационным опытом нового этнического окружения и отвечая на изменения общей социально-экономической ситуации в стране. В постройках переселенцев, преимущественно возведенных до 1930-х годов, можно проследить ряд приемов и черт, привнесенных из мест выхода. Чаще всего к ним относят западнорусскую традицию планировки жилища, стремление выходцев из Белоруссии воспроизвести на новом месте веночную и некоторые другие местные типы планировки дворов, состав и назначение хозяйственных построек, характерные для мест выхода формы, пропорции и визуальные образы строений, использование типичных для отдельных регионов Белоруссии разновидностей рубки углов, конструкции стропил, кровли и потолочных перекрытий, способы покрытия крыши и т. д. [Майничаева, 2002; Аболина, 2014, 2016]. Однако следует отметить, что далеко не все из перечисленных выше особенностей народной архитектуры были характерны лишь для белорусов. Часть из них имели высокое типологическое сходство с принципами строительной культуры выходцев из ряда других регионов Российской Империи. Это обстоятельство во многих случаях затрудняет однозначную трактовку отдельных элементов народной архитектуры белорусских переселенцев в качестве этнодифференцирующих маркеров. На этом фоне следует отметить высокую степень стойкости у потомков переселенцев народной строительной терминологии, которая была некогда привнесена из мест выхода их предками.

Подвергая анализу полевые материалы, собранные в ряде деревень, в которых проживали выходцы из Белоруссии, можно сделать вывод о возрастании многообразия путей развития и трансформаций их народной архитектуры на новом месте. Это было связано с тем, что исходная вариативность строительной культуры белорусов значительно усилилась после их переселения на территорию Сибири и Дальнего Востока за счет того, что на локальные традиции, привнесенные из мест выхода, стали накладываться заимствования у нового этнического окружения и другие новшества, ставшие ответом на необходимость адаптации к новым условиям.

Трансформации народной архитектуры белорусских крестьян-переселенцев в целом отражают динамику происходивших в их среде этнокультурных процес-

сов. Утрата многих особенностей строительной культуры, наблюдавшаяся со второй трети XX века, в целом совпала с растворением переселенцев в новой этнокультурной среде, которое было обусловлено процессами ассимиляции и межэтнической интеграции.

Источники и принятые сокращения

1. ГАКК — *Государственный архив Красноярского края*. Ф. 595. Оп. 31. Д. 1140. Страховые ведомости строений Еловской волости. Т. 1. 1901—1904.
2. ГБУТО ГА — *Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске*. Ф. 417. Оп. 2. Д. 971. Переписные листы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Тобольской губернии.
3. ПМА — *Полевые материалы автора, собранные на территории Таборинского и Тавдинского районов Свердловской области* (2013 г.); Нижнетавдинского, Казанского и Викуловского районов Тюменской области (2009, 2015, 2019 гг.); Манского и Большемурутинского районов Красноярского края (2017, 2019 гг.); Баяндаевского, Братского, Куйтунского, Заларинского и Тайшетского районов Иркутской области (2012, 2017, 2018 гг.); Свободненского района Амурской области (2016 г.); Муниципального р-на им. Лазо Хабаровского края (2014 г.); Михайловского, Ольгинского и Чугуевского районов Приморского края (2013, 2015 гг.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аболина Л. А.* Некоторые особенности и детали строительной культуры Белорусских переселенцев в Тарском районе (по результатам экспедиции 2013 г.) / Л. А. Аболина // *Материалы VII регион. науч.-практ. конф. «Вагановские чтения», посвященной 420-летию со дня основания г. Тара.* — Омск, 2014. — С. 6—12.
2. *Аболина Л. А.* Белорусская усадьба в Иркутской области / Л. А. Аболина // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.* — 2016. — № 2. — С. 5—11.
3. *Белорусы в Пермском крае : очерки истории и этнографии* / А. В. Черных, Т. Г. Голева, М. С. Каменских, С. А. Шевырин. — Санкт-Петербург : Мамагов, 2013. — 288 с.
4. *Беларускае народнае жыллё* / [Э. Р. Сабаленка і інш.]. — Мінск : Навука і тэхніка, 1973. — 125 с.
5. *Глушенко М. А.* Опыт проведения этнографических экспедиций БГОМ / М. А. Глушенко // *Братская земля: От истоков — до города : Материалы регион. науч.-практ. конф. (Братск, 2 дек. 2016 г.).* — Братск, 2017. — С. 26—31.
6. *Кобко В. В.* Старообрядцы Приморья: история, традиции (сер. XIX в. — 30-е гг. XX в.) / В. В. Кобко. — Владивосток : Издательство Приморского полиграфкомбината, 2004. — 214 с.
7. *Косич М. Н.* О постройках белорусского крестьянина Черниговской губернии, Мглинского уезда: с. Рассуха, д. Бородинка и Амелин хутор / М. Н. Косич // *Живая старина.* — 1906. — Т. XV, № 1. — С. 74—93.
8. *Локотко А. И.* Белорусское народное зодчество: середина XIX — XX в. / А. И. Локотко. — Минск : Навука і тэхніка, 1991. — 287 с.
9. *Майничева А. Ю.* Поселение в урочище Игрушка / А. Ю. Майничева // *Проблемы историко-культурного наследия Сибири и Дальнего Востока : Материалы региональной науч. конф.* — Новосибирск, 1997. — С. 26—27.

10. Майничева А. Ю. Культура строительства восточных славян Верхнего Приобья в середине XIX — начале XX в. / А. Ю. Майничева // Южная Сибирь в составе России : проблемы, поиски, решения. — Красноярск, 1999. — С. 27—32.
11. Майничева А. Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья : проблемы эволюции и контактов / А. Ю. Майничева. — Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. — 144 с.
12. Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов / Л. А. Молчанова. — Минск : Наука и техника, 1968. — 232 с.
13. Светачева У. В. Традиции домостроения белорусских переселенцев Минусинского округа по материалам этнографической экспедиции Минусинского музея им. Н. М. Мартыанова 2017 года / У. В. Светачева // Баландинские чтения. — 2018. — Т. 13, № 1. — С. 477—480.
14. Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов, XIX — начало XX в. / В. С. Титов. — Минск : Наука и техника, 1983. — 152 с.
15. Федоров Р. Ю. Некоторые особенности материальной культуры белорусских переселенцев Братского района Иркутской области: маркеры идентичности / Р. Ю. Федоров, Л. А. Аболина // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2018. — № 4 (43). — С. 147—155.
16. Федоров Р. Ю. Региональные особенности народной архитектуры Ольгинского и Чугуевского районов Приморского края / Р. Ю. Федоров, Л. А. Аболина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2015. — № 4 (34). — С. 11—21.
17. Харузин А. Н. Славянское жилище в Северо-Западном крае / А. Н. Харузин. — Вильна : Типо-Литография товарищества Н. Мац и Ко, 1907. — 341 с.
18. Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П. В. Шейн. — Санкт-Петербург : Тип. Императорской академии наук, 1902. — Т. 3. — 535 с.
19. *Этнография восточных славян*. Очерки традиционной культуры / [К. В. Чистов, М. Г. Рабинович и др.]. — Москва : Наука, 1987. — 558 с.

TRANSFORMATION OF THE FOLK ARCHITECTURE OF THE BELARUSIAN PEASANT MIGRANTS OF SIBERIA AND THE FAR EAST (END OF XIX — FIRST THIRD OF XX CENTURIES)¹

© Roman Yu. Fedorov (2019), orcid.org/0000-0002-3658-746X, SPIN 4902-4090, PhD in Philosophy, Ethnology Sector, Federal State Institution Federal Research Centre Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russia), r_fedorov@mail.ru.

The initial features and transformations of the folk architecture of the Belarusian peasant migrants of the second half of the XIX — early XX centuries living in Siberia and the Far East are considered. The results of a comparative historical and typological analysis of the ways of building culture development of immigrants' descendants are presented. The relevance and novelty of the work is due

1 This research is supported by RFBR, project No. 18-09-00028 and by the State task No. AAAA-A17-117050400150-2.

to the fact that, based on a generalization of field studies done in several regions of the Asian part of Russia, an attempt was made to identify general and special patterns of relations between changes in the principles of building culture and ethnocultural processes among migrants. The results of the study confirm the assumption that in Siberia and the Far East, the variety of development paths and transformations of the folk architecture of Belarusians has increased significantly due to the need to adapt to various natural and climatic conditions, as well as borrowings from the new ethnic environment. It has been established that the transformation of the folk architecture of the Belarusian peasant migrants as a whole reflects the dynamics of ethnocultural processes taking place in their environment. It is shown that the loss of many features of the building culture, which has been growing since the second third of the 20th century, as a whole coincided with the dissolution of immigrants in the new ethnocultural environment, which was due to the processes of assimilation and interethnic integration.

Key words: Belarusians; folk architecture; building culture; peasant relocation; ethnocultural processes; Siberia; Far East.

MATERIAL RESOURCES

- GAKK — *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya. Strakhovye vedomosti stroeniy Elovskoy volosti. 1901—1904.* (In Russ.).
- GBUTO GA — *Gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye Tyumenskoy oblasti Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobolske. Perepisnye listy Pervoy Vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. po Tobolskoy gubernii.* (In Russ.).
- PMA — *Polevyye materialy avtora, sobrannyye na territorii Taborinskogo i Tavdinskogo rayonov Sverdlovskoy oblasti* (2013 g.); *Nizhnetavdinskogo, Kazanskogo i Vikulovskogo rayonov Tyumenskoy oblasti* (2009, 2015, 2019 gg.); *Manskogo i Bolshemurtinskogo rayonov Krasnoyarskogo kraya* (2017, 2019 gg.); *Bayandaevskogo, Bratskogo, Kuytunskogo, Zalarinskogo i Tayshetskogo rayonov Irkutskoy oblasti* (2012, 2017, 2018 gg.); *Svobodnenskogo rayona Amurskoy oblasti* (2016 g.); *Munitsipalnogo r-na im. Lazo Khabarovskogo kraya* (2014 g.); *Mikhaylovskogo, Olginskogo i Chuguevskogo rayonov Primorskogo kraya* (2013, 2015 gg.). (In Russ.).

REFERENCES

- Abolina, L. A. (2014). Nekotoryye osobennosti i detali stroitelnoy kultury Belorusskikh pereselentsev v Tarskom rayone (po rezul'tatam ekspeditsii 2013 g.). In: *Materialy VII region. nauch.-prakt. konf. «Vaganovskie chteniya», posvyashchennoy 420-letiyu so dnya osnovaniya g. Tara.* Omsk. 6—12. (In Russ.).
- Abolina, L. A. (2016). Belorusskaya usad'ba v Irkutskoy oblasti. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke*, 2: 5—11. (In Russ.).
- Belaruskae narodnae zhyllje.* (1973). Minsk: Navuka i tekhnika. (In Beloruss.).
- Chernykh, A. V., Goleva, T. G., Kamenskikh, M. S., Shevyrin, S. A. (2013). *Belorusy v Permskom kraye: ocherki istorii i etnografii.* Sankt-Peterburg: Mamatov. (In Russ.).
- Etnografiya vostochnykh slavyan. Ocherki traditsionnoy kultury.* (1987). Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Fedorov, R. Yu., Abolina, L. A. (2015). Regionalnyye osobennosti narodnoy arkhitektury Olginskogo i Chuguevskogo rayonov Primorskogo kraya. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke*, 4 (34): 11—21. (In Russ.).
- Fedorov, R. Yu., Abolina, L. A. (2018). Nekotoryye osobennosti materialnoy kultury belorusskikh pereselentsev Bratskogo rayona Irkutskoy oblasti: markery identichnosti. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*, 4 (43): 147—155. (In Russ.).

- Glushenko, M. A. (2017). Opyt provedeniya etnograficheskikh ekspeditsiy BGOM. In: *Bratskaya zemlya: Ot istokov — do goroda: materialy region. nauch.-prakt. konferentsii (Bratsk. 2016 g.)*. Bratsk. 26—31. (In Russ.).
- Kharuzin, A. N. (1907). *Slavyanskoye zhilishche v Severo-Zapadnom kraye*. Vilna: Tipo-Litografiya tovarishchestva N. Mats i Ko. (In Russ.).
- Kobko, V. V. (2004). *Staroobryadtsy Primorya: istoriya, traditsii (ser. XIX v. — 30-e gg. XX v.)*. Vladivostok: Izdatelstvo Primorskogo poligrafkombinata. (In Russ.).
- Kosich, M. N. (1906). O postroykakh belorusskogo krestyanina Chernigovskoy gubernii, Mglinskogo uezda: s. Rassukha, d. Borodinka i Amelkin khutor. *Zhivaya starina, XV (1)*: 74—93. (In Russ.).
- Lokotko, A. I. (1991). *Belorusskoye narodnoye zodchestvo: seredina XIX — XX v.* Minsk: Navuka i tekhnika. (In Russ.).
- Maynischeva, A. Yu. (1997). Poseleniye v urochishche Igrushka. In: *Problemy istoriko-kulturnogo naslediya Sibiri i Dalnego Vostoka: materialy regionalnoy nauch. konferentsii*. Novosibirsk. 26—27. (In Russ.).
- Maynischeva, A. Yu. (1999). Kultura stroitelstva vostochnykh slavyan Verkhnego Priobya v seredine XIX — nachale XX v. In: *Yuzhnaya Sibir 'v sostave Rossii: problemy, poiski, resheniya*. Krasnoyarsk. 27—32. (In Russ.).
- Maynischeva, A. Yu. (2002). Arkhitekturno-stroitelnyye traditsii krestyanstva severnoy chasti Verkhnego Priobya: problemy evolyutsii i kontaktov. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN. (In Russ.).
- Molchanova, L. A. (1968). *Materialnaya kultura belorussov*. Minsk: Nauka i tekhnika. (In Russ.).
- Sheyn, P. V. (1902). *Materialy dlya izucheniya byta i yazyka russkogo naseleniya Severo-Zapadnogo kraya*. Sankt-Peterburg: Tip. Imperatorskoy akademii nauk. 3. (In Russ.).
- Svetacheva, U. V. (2018). Traditsii domostroeniya belorusskikh pereselentsev Minusinskogo okruga po materialam etnograficheskoy ekspeditsii Minusinskogo muzeya im. N. M. Martyanova 2017 goda. In: *Balandinskiye chteniya. 13 (1)*: 477—480. (In Russ.).
- Titov, V. S. (1983). *Istoriko-etnograficheskoye rayonirovaniye materialnoy kultury belorussov, XIX — nachalo XX v.* Minsk: Nauka i tekhnika. (In Russ.).